

бѣгавшими глазами и въ зеленой чалмѣ, — признакъ, указывавшій, что владѣлецъ ея не разъ уже побывалъ въ Меккѣ у гроба пророка и носить почетное имя хаджи. То былъ, вѣроятно, хабирь — вожакъ каравана, или старшій изъ погонщиковъ — шейхъ-ель-джемали, на что отчасти указывало и его, изящно украшенное оружіе, которое онъ носилъ съ большимъ достоинствомъ, нарочно выставляя на показъ.

— Ель-саламъ-алейкумъ (миръ вамъ)! — было его первымъ словомъ, съ которымъ арабы — этотъ народъ молитвы — обращаются къ путнику, гдѣ бы ни встрѣтили его.

— А-алейкумъ-ель-саламъ-у-рахмедъ-лилляхи-у-варакату (да будетъ милость Господня съ вами, его благословіе и любовь). — отвѣчалъ я, прибавивъ еще: — мархаабкумъ (милости просимъ).

— Тайбинъ, салямать-сіакъ-кейфъ-калекъ-ву (привѣтъ и тебѣ, здоровъ ли ты)? — спрашивалъ меня дальше хабирь.

— Тайбинъ, ель-хамди-лилляхи (благодаря Бога, здоровъ), — было отвѣтомъ съ моей стороны.

Обмѣнявшись привѣтствіями, какъ глава своего каравана съ главою или выборнымъ пришедшаго, я предоставилъ дальше слово Юзѣ, приказавъ ему пригласить караванъ къ «благодатной и волшебной струйкѣ воды, которую послалъ Магометъ на помощь усталому путнику», — такъ полагается величать въ пустынѣ даже самую ничтожную лужу воды, хотя бы ее едва можно было пить. Наше приглашеніе не было впрочемъ необходимо, потому что бывалый предводитель хаджей безъ насъ зналъ, что не нужно проходить мимо хорошаго источника, когда онъ стоитъ на самомъ пути.

— Эль-хамди-лилляхи! — было единственнымъ отвѣтомъ со стороны араба.

Мой Юза что-то еще сказалъ, должно быть, очень хорошее предводителю хаджей, такъ какъ этотъ послѣдній послѣ того обратился къ своимъ спутникамъ съ нѣсколькими словами, на которыя они отвѣчали дружнымъ: — машаллахъ (да будетъ восхвалено имя Господне)!

Караванъ сталъ подходить еще ближе къ намъ и расположился шагахъ въ двадцати отъ нашей стоянки. Безъ всякихъ усилій со стороны вожатыхъ, верблюды стали, согнули колѣни и жалобно заревѣли, какъ бы прося, чтобы сняли скорѣе грузъ съ ихъ, вытертыхъ до крови, спинъ и горбовъ. Нѣсколько десятковъ всадниковъ медленно и важною поступью сошли со своихъ сѣрдекъ (нѣчто въ родѣ верхового сѣдла) и сняли разное тряпье, служившее имъ подстилкою. Затѣмъ стали разгружать